

КЛАССИЧЕСКАЯ И/ИЛИ НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

В статье обсуждаются новые возможности традиционных (рациональных) подходов к исследованию сознания, основанных на использовании различных форм бинарных оппозиций (классическая психология), а также системно-открытая «техника» свободно-конструируемой совокупности научно оформленных нарративов о сознании.

Ключевые слова: сознание, определение, структура, бинарная оппозиция, корневая (фундирующая) дихотомия, нарратоединица, метанарративный анализ, хронологическое соответствие, интенциональная сборка.

Сегодня, к началу второго десятилетия двадцать первого века, тему сознания уже нельзя отнести к заброшенным или некультивируемым «почвам» психологии, как это было всего лишь тридцать–сорок лет назад. Обусловленный целым рядом факторов всплеск интереса к проблеме сознания породил лавинообразный рост продукции самого разного типа и жанра. В связи с колоссальным многообразием исследовательских материалов по проблеме сознания, можно в качестве характеристики этого изобилия денотировать оксюморонное словосочетание — структурированный хаос¹. О полифонии авторских голосов пока говорить сложно, разве что о «двуголосом слове» (М.М. Бахтин).

Тем не менее «возделывание» уже идет из многих «полюсов» и во многих направлениях. Оно очень важно и тем более необходимо, что, рано или поздно, культура исследований сознания переходит в культуру осознания в любой прикладной плоскости современной жизни и в самой ее важной — экзистенциальной. Каждое новое «слово» увеличивает как количество возможностей объяснения сознания, так и многообразие измерений со-

подтверждая известный тезис о неисчерпаемости, но уже в отношении сознания.

Промежуточным итогом поисков решения проблемы стало амплифицированное, по сравнению с ранее существовавшим, оформление предметного поля психологии сознания, а в междисциплинарном плане — возникновение нового направления интегрированных исследований — «Науки сознания».

Основной предмет научного анализа — сознание как интегративный феномен психологии человека как природного и общественного новообразования. В связи с этим сознание выводится за пределы произвольных ограничений частной темы в рамках общей психологии и в широкой совокупности теоретических взглядов, прикладных и эмпирических изысканий отечественных и зарубежных психологов различных направлений и школ обретает свою целостность и глубину. В многообразии исследовательских подходов можно усмотреть и, пока «слабый», вектор движения от «культуры полезности» (утилитаризм) к культуре ценностей (этико-эстетический план). Новый поиск определил и новый метод исследовательского анализа и конструирования целостного знания, а именно метод обусловленный спецификой предмета — сознанием, т.е. метод, фундирующий любое знание, представленное в форме

¹ См. материалы 12-ти конференций Ассоциации научного изучения сознания (ASSC) (<http://assc.caltech.edu/index.htm>) и 9-ти туксоновских конференций (<http://www.consciousness.arizona.edu>).

научного поиска, в его ретро-, актуальной и транспективной проекциях (Клочко, 2008). Ценно и значимо любое высказывание «вооруженного» научным опытом носителя сознания о сознании. В основе метода — сопоставление и выстраивание огромной совокупности суждений, мнений, оценок и высказываний большого числа исследователей с определенным опытом изучения проблемы — научных контактов, коммуникации и общения, удививших в той или иной степени свободу мышления в формах осознанного выбора творчества, созидания.

Такое построение можно рассматривать как проявление «коммуникативной методологии» (Мазилов, 2003), или как особый жанр — разновидность качественных методов, аналогичных нарративу определенного формата (научный текст) с параллельным или последующим метанарративным анализом. Конечно, каждая «нарратоединица» имеет свой контекст, генеалогию, логику, ценностные или личностные основания. Поэтому в этом своеобразном «пазл-конструировании» или интенционально-регулируемой сборке (составлении) принципиально важна, помимо того или иного метанарративного основания, хронотопическая совместимость «собираемых» текстов (топологическая «перекличка» текстов, мысленное «забегание» вперед или возвращение к истокам из актуального времени, т.е. все то, что можно назвать транспективой по В.Е. Клочко (Клочко, 2008)).

Как известно, один из главных признаков классического мышления — использование бинарных оппозиций; логические дихотомии являются «характерным признаком рационального классического мышления» (Асмолов, 2002). И это то, что мы часто встречаем в определениях сознания: общение и обобщение (системное и смысловое строение сознания) у Л.С. Выготского; знание и отношение у С.Л. Рубинштейна;

значение и смысл у А.Н. Леонтьева; невербализированное и семантическое в концепции В.Ф. Петренко; логика и парадокс у В.М. Аллахвердова; запоминание и понимание у А.Ю. Агафонова; отражение-порождение в теории психологических систем В.Е. Клочко; сознание и бессознательное в метасистемной теории А.В. Карпова и др. К классическим построениям, на наш взгляд, можно отнести и бидихотомические объяснения сознания в концепциях В.П. Зинченко (бытийный—рефлексивный слой), а также А.Г. Асмолова и Ф.Е. Василюка (деятельность—общение, установка—отношение).

Соглашаясь с всесилием исходного двучленного разделения всего сущего (в конечном счете, двоичный код — в основе прогресса и «непостижимой эффективности» информационных технологий), вместе с тем замечаем неоднородность и многообразие оснований тех или иных дихотомий. Это, в частности, бинарности, раскрывающие содержание сознания или его строение, структуру или слой, исходное состояние или результат, состояние или процесс, источники или факторы и т.д. Можно ли говорить о рациональном выборе оснований и о том, сколько их может (должно) быть? Или это уже системный подход, т.е. не вполне классика? Другая особенность заключается в том, что противопоставляемые члены дихотомических пар не вполне оппозиционны, т.е. не соединяют логических или даже диалектических противоположностей.

Таким образом, перечень означенных и иных возможных дихотомий не подпадает под определение формально-логической или диалектической классики. В связи с этим, трудно согласиться с мнением, что «бинарные оппозиции утратили свой кредит» (Зинченко, 2006). Но есть ли какая-либо польза от умножения дихотомий, или они несут в себе исключительно ценностное основание возможности

(свободы) мыслить и, следовательно, «существовать»?

По-видимому, есть логика в свободе мысленного оппозиционирования, и это логика поиска оснований, т.е. того, что иногда называют фундирующим знанием. Одной из таких «корневых» дихотомий, очевидно, является субстанциональная оппозиция *Я–Другой*, фундирующая основа которой как раз и заложена в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, отчетливые контуры которой тем более укрепляются, чем более мы «прячемся» за ширму виртуальности, пытаясь в поисках единомышленников отделиться от разделенного сознания двоих и многих. Исходя из этой фундаментальной для фило-, онто- и актуалгенеза оппозиции, можно понять, почему у Выготского исходными, определяющими сознание посылами выступают общение и обобщение; у Рубинштейна – знание и отношение (включая отношение другого к этому знанию, т.е. свое отношение через другого); у Леонтьева – значение и с(о)мысл(ь), не исключающая различие значений, и через различение – объединение, но уже усилий процесса (процедуры) толкования; и т.д. и т.п. Можно предположить, что интуиция или откровение М. Бубера было вполне подготовлено «плечами гигантов», причем не исключен личностный характер (личностное знание) выражения (форма) содержания базовой дихотомии. В этом смысле сознание и, соответственно, любая теория сознания не могут быть уникальными, как и универсальными; исходными и завершенными; полными и непротиворечивыми (Акопов, 2008).

Другой корневой дихотомией, непосредственно сопряженной с первой, является оппозиция: объединение–разделение, обстоятельно исследованная В.И. Молчановым в варианте: различение–синтез (идентификация) (Молчанов, 1992).

Особый статус темы сознания в современной психологии обусловлен целым

рядом определенных обстоятельств. К ним относятся весьма значительный рост количества научных публикаций, включая монографические исследования в последней четверти XX – начале XXI вв. (Акопов, 2004, 2006), возникновение тематически новых периодических изданий как печатного, так и электронного характера по проблеме сознания («The Journal of Consciousness Studies»; «Consciousness and Cognition» и др.). С девяностых годов действует Центр изучения сознания (Center for Consciousness Studies) и Ассоциация научного изучения сознания (Association for the Scientific Studies of consciousness), проведено множество масштабных конференций по сознанию (Акопов, 2006).

Новый всплеск интереса ученых к проблеме сознания, значительно превосходящий все предыдущие, во многом объясняется переходом современного общества от постиндустриальной к информационной фазе, а также новейшей философией, новой научной идеологией, идеями постмодернизма и др., возникновением таких новых интегрированных областей знаний, как нейронаука, когнитивная наука, наука сознания. В практическом плане следует констатировать все более активное и масштабное целенаправленное вмешательство человека в процессы физического, биологического и социального мира при не всегда отчетливом осознании долгосрочных последствий такого вмешательства. Этот «осознанный вектор движения» (Аллахвердов, 2003) весьма редко сопровождается столь же осознанным вектором «обратной связи». Следует также согласиться с тезисом А.В. Карпова о сензитивности проблемы сознания к крупным открытиям и достижениям и новым подходам в науке, раскрывающейся в новом свете с этих позиций (Карпов, 2007).

Другой характерной особенностью проблемы сознания является невозможность отнесения этой темы к какой-то

одной области науки или к какому-то одному психологическому направлению, т.к., включая в себя человеческое мышление, сознание включено тем самым в любую сферу активности и деятельности человека и так или иначе представлено во всех психологических платформах и направлениях — от бихевиоризма до гуманистической психологии.

Зарубежные исследования по проблеме сознания можно рассматривать в континууме от нейронаучных подходов изучения механизмов и коррелятов сознания до когнитивных подходов в описании функционирования сознания. К границам континуума примыкают попытки исследования сознания с использованием физических переменных (квантовые, волновые, молекулярные механизмы) и компьютерных программ по искусственному интеллекту. В объяснительных схемах зарубежных авторов встречаются проявления как крайнего биологизма (Searle, 1997, 2000), так и системного субстанционализма (Chalmers, 1996, 1997).

В систематическом оформлении проблемы сознания можно выделить разные планы.

В философско-психологическом плане главная сложность заключается в определении сущностной характеристики сознания, т.к. оно традиционно состоит в бинарной оппозиции с материей и прямо или косвенно участвует в различных производных этой оппозиции: психическое—телесное, субъективное—объективное, индивидуальное—социальное, внутреннее—внешнее, закономерное—спонтанное, зависимое—автономное, необходимое—свободное и т.д. и т.п.

В классическом варианте можно говорить: а) о логической противоречивости так или иначе определяемого сознания (Аллахвердов, 2000) в силу его невыводимости из материи; б) о гносеологической незавершенности сознания, т.к. оно, в силу своей рефлексивности, не может быть

наделено качеством полноты (включая гёделевский вариант); в) об онтологической универсальности сознания, т.к. оно может оформлять любые проявления человеческой жизни (бытия) (Знаков, 2005). Неклассический и постнеклассический дискурсы существенно расширили горизонт и вместе с ним спектр проблем, не определив при этом принципиальных решений с новых точек зрения. В то же время нарративный подход и социальный конструкционизм придали сознанию новое ценностное измерение. В целом, можно согласиться с мнением, высказанным С.Н. Трубецким: «Противоречия отдельных философов относительно природы человеческого сознания имеют действительное основание в самом этом сознании» (цит. по: Мазилев, 2007).

В общепсихологическом плане сознание наделено, с одной стороны, предельной широтой, включая в себя все психические процессы, состояния и свойства, и, с другой стороны, — полной неконкретностью проявлений (достаточно заглянуть в учебную литературу по психологии, чтобы убедиться, что как в отечественных, так и в зарубежных источниках сознание представлено несколькими предложениями).

Не менее удручающая картина в *психолого-прикладном* плане — сознанию нет места во всевозможных отраслях психологии, за исключением психотерапии и, отчасти, патопсихологии. Вместе с тем, весьма распространены такие словосочетания, как экономическое сознание, политическое сознание, электоральное сознание, правовое сознание, нравственное сознание, профессиональное сознание, потребительское сознание и др.

Сложившееся положение высокой ангажированности и незначительной востребованности сознания в теоретических и прикладных работах нельзя признать случайным для существующей системы психологических знаний и практики. Тем

более что в целом ряде новых направлений отечественной психологии сознание «работает» не только как базовая категория, но и как отчетливо операционализируемое понятие. Это, в частности: психосемантическая концепция сознания, развиваемая В.Ф. Петренко как в теоретическом, так и в богатых приложениями аспектах (1988, 2005 и др.); психология сознания как новый общепсихологический базис психологии, разрабатываемый научным коллективом под руководством В.М. Аллахвердова (2000, 2003 и др.); масштабный цикл исследований В.В. Знакова по психологии понимания и самопонимания как важнейших проявлений сознания и бытия человека (2000, 2005 и др.); новые исследования В.А. Лабунской по осознаваемым и неосознаваемым компонентам невербального выражения личности (1999); уникальные исследования А.О. Прохорова по проблеме смысловой детерминации психических состояний (2005); историко-психологический и наррадигмальный подходы В.А. Шкуратова, в частности, к проблеме связи диссоциации личности и генезиса сознания (1997); когнитивная платформа Е.А. Сергиенко в исследованиях сознания в раннем онтогенезе человека (2006); оригинальная концепция В.Е. Семенова о полиментальных типах сознания в современном обществе (2005) и др. Из приведенного перечня ясно, что в большинстве случаев теоретико-прикладные исследования успешно развиваются, если затрагивается не весь категориальный объем сознания, а лишь определенная плоскость, ракурс — психосемантический, герменевтический, когнитивный и т.д. Более универсальные теоретические конструкции сознания (структурные подходы А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюка) пока приносят меньше выходов в практику, в отличие от категориально «уплощенных» вариантов (психосемантика сознания,

психология сознания, полиментальность сознания и т.д.).

Универсальные структуры — бытийный и рефлексивный слои сознания, биодинамическая и чувственная ткань, значение и смысл, в большей степени «обслуживают» сам конструкт сознания, нежели его выходы в практику. Да и в самом сознании доступным осознанию является то, на что направлено сознание, но не сам механизм осознания. Возможны ли иные концептуальные описания (универсальные структуры), которые были бы достаточно «прозрачны» как с точки зрения объектов, так и с точки зрения механизмов осознания?

Ввиду обсуждавшейся выше максимальной общности категории сознания, предельно широкую форму выделения (различения) реальности (будь то действительность или виртуальность) представляет дихотомия «объединение—разъединение». Мы предпочли более широкий вариант первого обозначения в этой паре — «контакт», допускающий также стадии предшествования, не обязательно ведущие к объединению; в отношении второго члена дихотомической пары в качестве синонимической замены был избран более узкий по значению термин «свобода». Таким образом, дихотомия приобретает в большей степени антропный характер. Вместе с тем члены модифицированной пары приобретают детерминирующий по динамике их сочетания характер, т.е. характер факторов. Следствием привлечения мало активизируемой в современной психологии категории «свобода» может стать, с одной стороны, отход от абсолютного детерминизма в концептуальных психологических построениях (отчего уже ушло современное естествознание), с другой — также отход от абсолютного утилитаризма (адаптация, функциональность, рефлекторность, системность и т.д.). Психологической альтернативой утилитаризму являются

ценностный и, в частности, нравственно-этический и эстетический подходы.

Обсуждаемая структура не противоречит классической (Зинченко, 1991). Бытийный слой сознания вполне «перекрывается» контактными взаимодействиями соответствующих агентов «живого движения» и чувствительной сферы с релевантным окружением, а с учетом новых исследований Н.Д. Гордеевой (обнаружение аналогов рефлексии даже в элементарных движениях и действиях — см.: Гордеева, Зинченко, 2001) можно говорить и о более высоких уровнях контакта (коммуникация на основе содержания обратной связи, смысловое общение и взаимодействие). Рефлексивный слой по своей сути (не по составляющей) настолько свободен в проявлениях, что может рассматриваться как эквивалент свободы. Семантическое пространство как операциональная модель сознания в концепции В.Ф. Петренко (1988, 2005) определяет универсальную область контакта, в то время как субъективность семантических систем определяется фактором свободы. Целостность сознания в психологической модели, предложенной В.М. Аллахвердовым (2000, 2003), сопоставима с контактом, в то время как обнаруженные автором парадоксы сознания есть несомненное проявление его (сознания) свободы. Дефиниция ментальности как единства сознания людей в пространственно-временном измерении, несомненно, выводится из контакта, в то время как полиментальность (Семенов, 2005) определяется свободой людей в приобщении к тем или иным социальным группам в тех или иных условиях.

Что касается собственно операциональных ресурсов двухфакторной модели сознания, то каждый из факторов, в свою очередь, может рассматриваться в триадичной структуре: *контакт* — его отсутствие или наличие (по критерию обратной связи); коммуникация (по критерию

передачи определенного информационного содержания); а также смысловое общение; *свобода* — возможность выбора; определение, нахождение субъективно новых целей (творчество); конструирование объективно новых целей (созидание).

Каждый из факторов² рассматривается также в двух планах — внешнем и внутреннем. Проблематика и соотношение внешнего и внутреннего в методологическом и конкретно-методическом аспектах исследована в работах В.П. Зинченко, что позволяет с учетом рассмотренной выше трехкомпонентной структуры каждого из факторов (наличие / отсутствие контакта, коммуникация, смысловое общение; выбор, творчество, созидание) и различных сочетаний компонентов выстраивать достаточно широкое поле конкретных проявлений сознания.

Эмпирическая проверка заданных теоретических положений осуществляется в модельных экспериментах с двойственными изображениями. Реверсивные фигуры изучались ранее в теоретическом контексте гештальтпсихологии и в качестве иллюзии зрительного восприятия. В нашем случае соотносятся различные объяснительные модели перцептивной фиксации: модель классической реактивной регуляции перцептивной активности (вариации стимула, условия эксперимента и т.д.); модель активной (субъектной) регуляции (уровень субъектного включения, цели, планы, отношения, самоконтроль и др.); социально-психологическая модель взаимодействия экспериментатора и испытуемого; особенности психических процессов (внимание и др.), психических состояний и индивидуально-психологических характеристик испытуемого и т.д. Показателем большей

² Мы согласны с мнением Н.Н. Вересова, что более точным было бы обозначение обсуждаемой дихотомии как источника (Вересов, 2007), на что со ссылкой на Д.Б. Эльконина обращает внимание также А.Г. Асмолов (2002).

или меньшей объяснительной возможности той или иной модели, включая двухфакторную модель сознания, избрана произвольность (устойчивость) регуляции фиксированного образа двойственного изображения.

Литература

Акопов Г.В. Проблема сознания в российской психологии. М.; Воронеж, 2004.

Акопов Г.В. Проблема сознания в современной психологии: зарубежные подходы. Самара, 2006.

Акопов Г.В. Исследовательский агностицизм и объяснительная провидентность // Методология и история психологии. 2008. Вып. 2. С. 147–154.

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.

Вересов Н.Н. Психология сознания в России и на Западе: возможные точки пересечения // Материалы I Всерос. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы». 29 июня – 1 августа 2007 г. Самара, 2007. С. 98–108.

Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6.

Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.

Зинченко В.П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Вып. 1. С. 207–232.

Знаков В.В. Понимание в познании и общении. Самара, 2000.

Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М., 2005.

Карпов А.В. Проблема сознания с позиций метасистемного подхода // Материалы I

Всерос. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы». 29 июня – 1 августа 2007 г. Самара, 2007. С. 48–61.

Клочко В.Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Вып. 1. С. 165–178.

Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону, 1999.

Мазилев В.А. Методология психологической науки. Ярославль, 2003.

Мазилев В.А. Проблемы сознания в работах С.Н. Трубецкого // Материалы I Всерос. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы». 29 июня – 1 августа 2007 г. Самара, 2007. С. 109–111.

Молчанов В.И. Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос. 1992. № 3. С. 7–36.

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005.

Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М., 2005.

Семенов В.Е. Современная российская полиментальность и ментальные типы молодежи // Ментальность российской провинции: Сборник материалов IV Всерос. конф. по исторической психологии российского сознания. 1–2 июля 2004 г. Самара, 2005. С. 159–163.

Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М., 2006.

Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997.

Chalmers D.J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford; New York, 1996.

Chalmers D.J. Moving forward on the problem of consciousness // The Journal of Consciousness Studies. 1997. 4 (1). P. 3–46.

Searle J.R. The Mystery of Consciousness. London, 1997.

Searle J.R. Consciousness // *Intellectica*. 2000. Vol. 31. . 85–110.